

II в., однако в примечании (т. I, стр. 191) евангелие почему-то датируется второй половиной II в. Ошибочна датировка получения Русью митрополита Феофемпта 1037 годом (в литературе начало его деятельности относят к 1038 году).

Однако все эти и другие не отмеченные нами мелкие неточности не снижают высокой оценки книги. Институт этнографии АН СССР и Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, под грифом которых вышла эта работа, совершили полезное дело, способствуя ее публикации. Не только специалисты, а все, кто интересуется вопросами религии, прочтут с интересом и пользой работу И. А. Кривелева. В этом известная заслуга и издательства «Мысль». О том, что рецензируемая книга очень нужна, говорит хотя бы ее молниеносное исчезновение с прилавков книжных магазинов. Очевидно, ее тираж (50 тыс. экз.) оказался заниженным. Вызывает удивление то обстоятельство, что издательство «Мысль» сочло возможным дать исследование И. А. Кривелева в урезанном виде, сократив его более чем наполовину (со 110 авторских листов до 44). Мне, как члену Ученого совета Института этнографии АН СССР, утверждавшему работу И. А. Кривелева к печати, пришлось читать ее в рукописи. Ознакомившись теперь с ее печатным вариантом, могу только выразить глубокое сожаление, что читатель лишился исключительно ценного и полезного материала. Если соблюдение разумных норм необходимо повсюду, то в издательском деле просто недопустим шаблон и сокращение рукописи только на том основании, что она показалась «слишком длинной». Ведь такие монографии, как исследование И. А. Кривелева, не создаются ежегодно. Смело утверждаю, что пройдет десятилетия, прежде чем у нас появится другая работа такого же плана и масштаба.

Исследование И. А. Кривелева важно не только для нашего, но и для зарубежного читателя. Не сомневаюсь, что, как и монография С. А. Токарева, оно будет переведено на многие языки и появится во многих странах. Вот почему книгу И. А. Кривелева следовало урезать столь радикально. Погоня за экономией бумаги привела к тому, что в таком монументальном труде отсутствует критическая оценка источников, нет библиографии, нарушены пропорции в освещении основных сюжетов и имеются другие недостатки.

Труд И. А. Кривелева доведен до начала XX в. Надеюсь, что автор сможет закончить свое исследование томом об особенностях мировых религий в наше время. Что же касается издательства «Мысль», то пожелаем ему переиздать сочинение И. А. Кривелева в полном объеме.

И. Р. Григулевич

Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М., 1976, 263 стр.

В предисловии к рецензируемой книге В. Д. Королук (отв. редактор) и Е. П. Наумов сообщают читателям о большой работе и планах Сектора древней истории и средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР. Этот сборник — его первая публикация по широкой проблематике этногенеза народностей Юго-Восточной Европы. За ним должны последовать и другие издания, касающиеся комплексных проблем этногенеза славянских и соседних народов в основном в эпоху средневековья.

Рассматриваемый сборник носит подзаголовок «Методология и историография». Столь ответственная задача, поставленная авторами, вызывает особый интерес к этому изданию.

Критический анализ состояния проблемы и острая постановка методологических вопросов содержатся в статье В. Д. Королука «К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев». Так, автор обосновывает вывод о том, что комплексное изучение вопросов этногенеза должно предполагать «не столько прямое сопоставление данных лингвистики, археологии, антропологии и письменных источников, сколько сопоставление получаемых в результате их изучения реконструкций (разрядка наша.— В. К., Я. Ч.)» (стр. 24). В. Д. Королук особо подчеркивает эту мысль, поскольку методология исследования этногенеза по данным отдельных дисциплин еще слабо разработана. Так, например, он указывает на противоречие между картиной праславянского общества, как она вырисовывается по лингвистическим материалам, и его изображением в первых письменных известиях. Очевидно, говорит автор, «сопоставлению в данном случае должен предшествовать заново проведенный анализ данных языка» (стр. 25). Аналогичная методологическая задача стоит также перед археологами и историками. «Для будущего наших этногенетических исследований,— пишет В. Д. Королук,— в связи со сказанным выше, очень большую роль должна сыграть организация равномерно, по возможности синхронно развивающихся разработок во всех возможных направлениях — археологическом, историческом, лингвистическом, этнографическом, даже историко-географическом и историко-социологическом. Только максимальное приближение к теоретически возможному синхронному исследовательским усилиям способно обеспечить действительную комплексность этногенетических исследований, даже если эти исследования будут иметь регионально и хронологически или тематически ограниченный характер» (стр. 25).

Автор одновременно обращает внимание лингвистов, археологов и других специалистов, занимающихся проблемами этногенеза, на проведенную советскими этнографами в течение последнего десятилетия разработку теоретических основ этнических процессов. Полученные результаты уже сегодня позволяют «продолжить исследования в области славянского этногенеза на новом, значительно продвинутом теоретическом уровне» (стр. 22). Отрядное и заслуженное признание.

Вместе с тем мы не можем не подчеркнуть, что лингвистические исследования, по справедливому замечанию В. В. Иванова, в следующей статье сборника, «Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей», остаются «центральной для всей проблематики славянского этногенеза» (стр. 47).

Трудно переоценить вклад языковедов в выяснение начальных стадий становления индоевропейской общности и, соответственно, более дробных ее подразделений, причем не только с точки зрения собственно глоттогенетического процесса, но и в смысле приурочения этой общности к определенным географическим ориентирам (ландшафтным зонам) и к конкретному уровню социального и культурного развития. Благодаря исследованиям лингвистов сегодня можно с большой долей вероятности утверждать, что индоевропейцы как особая этнолингвистическая общность формировались в непосредственной близости от древних цивилизаций Ближнего Востока. Это устанавливается наличием индоевропейских заимствований из семитских языков, выявленных В. М. Иллич-Свитычем, и на основании изобретения колесной повозки в зоне, где произрастали пригодные для ее изготовления древесные породы. (Эти и другие проблемы, тесно связанные с рассматриваемой тематикой, подробно освещаются в упомянутой статье В. В. Иванова.) Однако следует отметить, что достижения лингвистов стали возможны лишь благодаря использованию ими прямых или косвенных данных смежных дисциплин, прежде всего археологии и фольклористики.

В статье Л. А. Гиндина «Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата» на базе лингвистических материалов обосновывается отказ от теории субстрата в пользу идеи заимствований в балканских языках из восточносредиземноморских и ближневосточных языков (стр. 57). Ряд интересных для этнографа наблюдений высказан автором в отношении культов плодородия, терминов ремесла, терминов, обозначающих божества и священнослужителей. Автор приходит к выводу о совпадении результатов ареально-лингвистического анализа с археологическими и историческими материалами, свидетельствующими о связях Восточных Балкан с северо-западной областью Малой Азии, где возникла цивилизация Трояды.

В обстоятельной статье археолога В. В. Седова «Ранний период славянского этногенеза» предпринята попытка рассмотреть поставленную проблему с помощью новейших археологических данных в сочетании с выводами лингвистики, в том числе результатами собственных исследований автора в этой области. Однако, на наш взгляд, в этой работе проводится не синтез реконструкций, полученных в двух смежных дисциплинах, а прямое сопоставление данных разных наук. Причем гипотеза автора о генезисе древнеславянской культуры выглядит как вполне логичная цепь доказательств. В действительности вопрос о происхождении славян, равно как и этногенезе многих других народов, ранние этапы формирования которых не получили должного отражения в письменных источниках, представляется намного более сложным. Это объясняется не только недостаточностью имеющихся материалов, но в значительной мере их противоречивостью, в связи с чем появляется множественность допустимых толкований. Последнее как раз и характерно для археологических данных, которые в этническом отношении в большинстве случаев безлики, а потому нерепрезентативны. Этнонимические же материалы сами по себе характеризуются многозначностью возможных этимологий. Достаточно указать на то, что, как свидетельствует этнография, материальная культура в своей основе в первую очередь определяется социально-экономическими и природно-географическими факторами и поэтому прямо не говорит об этносе ее создателей. Кроме того, существует множество объяснений подавляющего большинства древних этнических наименований, таких, например, как славяне, словене, венеды, анты, хорваты и т. д. Критерием здесь обыкновенно служит лишь личная убежденность автора.

«И був коло Києва змий и кожного году посылалы йому дань: давали або молодого парубка, або дивчину...». Какому народу не известен сходный змеоборческий мотив? Его варианты можно встретить в разных концах света. Что можно извлечь из такого мифа в научном отношении? Самое большее, на первый взгляд,— выяснить генезис его образов, установить их символику. В общих чертах суть ее давно известна—это борьба основных противостоящих стихий—земли, огня и воды, выраженная в мистико-фантастической форме. Но, оказывается, не только. Если взять конкретную фольклорную схему, производную от основного мифа, и опосредованную в генетически родственной топонимии, то вырисовывается весьма определенный ареал, который можно увязать уже с этапами становления народов—носителей данного топомифологического сюжета. Именно эту задачу поставили перед собой два известных советских лингвиста, В. В. Иванов и В. Н. Топоров, в чрезвычайно интересной, с точки зрения этнографов и фольклористов, статье «Мифологические и географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян», помещенной в рецензируемом сборнике, а также в ряде других работ этих авторов. Предложенное авторами направление поиска тем более важно, что обычно фольклорные и мифологические данные редко привлекаются для решения проблемы этногенеза, в том числе этногенеза славян.

В статье Л. В. Куркиной «Изогlossные связи южнославянской лексики (Материалы к проблемам славянского этногенеза)» показано довольно четкое деление южнославянских языков на западную и восточную части. Анализируя ряд точек зрения о времени и месте такой дифференциации, в том числе взгляды О. Н. Трубачева, высказывающего мнение о первоначальной дробности миграционных потоков, автор не выдвигает своей концепции и не присоединяется к какой-либо из высказанных. Заключение Л. В. Куркиной о том, что диалектные различия не имеют простого однозначного объяснения, на наш взгляд, говорит о необходимости изучения экономических, социально-политических и культурных (т. е. экстралингвистических) аспектов проблемы дифференциации диалектов и образования южнославянских народностей.

Именно эти аспекты освещаются в очень важной в методологическом отношении статье Л. Гавлика «Моравская народность в эпоху раннего феодализма». Автор на основании большого фактического материала анализирует роль государства, господствующей верхушки и церкви в образовании моравской народности. Названные факторы он считает основными для процесса распространения единого этнического самосознания в пределах политического господства Великоморавского государства. Характер этого самосознания, исторические этапы его развития подробно исследуются на базе разнообразных ономастических данных, а также сведений о языке, литературе и искусстве. Положения автора об определяющем значении политических процессов в становлении раннефеодальных народностей подкреплены анализом этнических процессов в древнерусском, древнеболгарском и других славянских государствах.

О настоятельной необходимости обращения к данным этнографии свидетельствует статья известного лингвиста А. В. Десницкой «Эволюция диалектной системы в условиях этнического смешения (из истории славяно-албанских языковых контактов)». Внимание автора сосредоточено на исследовании взаимовлияний албанцев и славян в эпоху раннего средневековья на территории Албании. В конечном счете в стране победила языковая албанизация, причем этот процесс был связан с активной ассимиляционной ролью горного населения, для которого скотоводческое хозяйство более характерно, чем для славянских земледельческих общин. Ассимиляция славян в Албании, как показывает автор, прошла этап существования этнически разнородных территориальных общин. Отмечается, что процесс ассимиляции был постепенным и продолжался вплоть до XVI в. Однако почему победила албанизация, а не славянизация смешанного населения, остается не совсем понятным. Процессу албанизации не помешало политическое преобладание первого Болгарского царства в IX—XI вв. Думается, что, учитывая это обстоятельство, автору следовало выявить тенденции этнического развития собственно албанского населения.

Статья Г. Г. Литаврина «Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках» представляет интерес для этнографов и других исследователей, занимающихся проблемами этногенеза и методикой этногенетических исследований. В ней приводятся любопытные примеры отрыва этнонимов от этноса и перехода их в разряд социальной и социально-конфессиональной терминологии (термины ромен — византийцы и латины — римляне, италики, католики), расщепления значения этнонима (ромеи и романы) и вторичного слияния того или иного этнонима с конкретным этносом совершенно иного этнического происхождения (ромеи — греки). Исследование Г. Г. Литаврина помогает уяснить принципы конструирования и использования этнической номенклатуры в быту и в книжной традиции и, что весьма существенно, установить подлинную природу таких этнических наименований в средневековых источниках, как скифы, гунны, болгары, сакалы и проч.

Освещение остродискуссионных этногенетических вопросов содержится в работе Н. Л. Подвижной «О характере материальной культуры Болгарии в VII—IX вв. (Краткий обзор трудов болгарских и советских археологов 1948—1973 гг.)». Важнейший из затронутых в статье вопросов для этнографа — причины ассимиляции славянами тюркоязычных праболгар, первоначально господствующего слоя общества. Добытые болгарскими и советскими археологами сведения об уровне развития материальной культуры праболгар имеют очень большое значение (равно как и сведения о различных точках зрения на данную проблему).

Этнографов заинтересует также статья Э. А. Рикмана «Проблемы этногенеза в современной румынской этнографии (о древних источниках румынской народной культуры)». В ней автор анализирует важнейшие статьи, как он выражается, «основного журнала румынских этнографов, отражающего изученность проблемы на „переднем крае науки“». Оценивая методы и результаты, достигнутые нашими коллегами в этой социалистической стране, Э. А. Рикман пишет, что в своих исследованиях они уделяют особое внимание непрерывности развития культуры (в первую очередь материальной) на территории Румынии с древнейших времен вплоть до современности. Отмечая сильные и слабые стороны в работе румынских коллег, Э. А. Рикман считает, что средствами только этнографии или археологии (без привлечения данных других дисциплин) решать проблемы этногенеза в настоящее время практически невозможно. Последнее соображение представляется очень актуальным.

Статья Н. Н. Грацианской и В. Д. Королюка «Проблемы этногенеза моравских валахов в современной чехословацкой историографии» посвящена остро дискутируемой в науке теме о роли восточнороманского компонента в этногенезе славянских народов Карпатского региона. Основной в историографии валахский компонент прямо называется

румынским. Авторы отмечают, однако, «что румынская народность сложилась позже и не вобрала в себя весь восточнороманский этнос применительно к рассматриваемой здесь эпохе (XIV—XVIII вв.— В. К., Я. Ч.)» (стр. 225). Поэтому они считают, что более правильно пользоваться термином «восточные романцы» и этническим определением «восточнороманский». Авторы присоединяются к мнению ученых, которые предлагают четко различать этногенетические проблемы и проблемы происхождения карпатского типа отгонного скотоводства. Авторы поддерживают тех чехословацких коллег, которые отрицают мысль о позднем формировании моравских валахов как этнографической группы¹. Истоки культурной обособленности в западной части Карпат лежат, очевидно, глубже.

В конце книги помещен раздел «Хроника», где дана информация о работе Сектора древней истории и средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Подведем итоги. Можем ли мы сказать, что рассматриваемый сборник хоть в какой-то мере продвинул вперед решение сложных проблем этногенеза славян и восточных романцев? Ответ должен быть положительным. Ценность сборника заключается не только в частных, хотя и важных выводах, но и в том, что его составителям удалось подготовить целенаправленное актуальное издание.

В. П. Кобычев, Я. В. Чеснов

¹ Такую мысль, например, пропагандировал Д. Кранджалов в своих исследованиях и в дискуссиях на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. См. симпозиум «Карпатская историко-этнографическая общность». — «Труды VII МКАЭН. Москва, 1964», т. II. М., 1971.

Э. А. Рикман. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.

Монография Э. А. Рикмана посвящена исследованию ряда весьма существенных проблем этнической истории Юго-Восточной Европы в первых веках нашей эры. Чрезвычайно сложные этнические и этнокультурные процессы этого времени, связанные с событиями эпохи Великого переселения народов, привели к сложению на рассматриваемой территории ряда культур и, в частности, черняховской культуры. Указанные проблемы имеют большое научное значение хотя бы уже потому, что здесь затрагиваются такие кардинальные исторические вопросы, как судьбы фракийских, готских племен и ранние этапы этнической истории славян.

История Поднестровья и Подунавья уже неоднократно освещалась в литературе. Существует немало, главным образом археологических, исследований, где рассматриваются, в частности, западносарматская и черняховская культуры. Но важное значение рецензируемой работы состоит в том, что в ней впервые в историографии на основе детального анализа огромного фактического материала — данных археологии, письменных источников, антропологии — ставится и в целом успешно решается задача историко-этнографического исследования динамики этнического состава и культурного облика населения Юго-Восточной Европы в первых веках нашей эры. Монография с подобным комплексным подходом к данной тематике появляется в нашей литературе впервые. И, как думается, автор весьма успешно справился с поставленными перед ним трудными задачами.

Рассмотрим решение Э. А. Рикманом основных проблем.

Автор детально прослеживает историю изучения сарматской и черняховской культур в низовьях Днестра и Дуная. При этом он убедительно показывает, что, несмотря на значительную работу, проделанную главным образом советскими, в меньшей мере зарубежными авторами, проблема еще далека от разрешения. Имеются существенные различия во мнениях относительно этнической принадлежности носителей черняховской культуры. Так, одни исследователи, исходя из представлений о единообразии черняховской культуры, считают ее носителями в низовьях Днестра и Дуная только славян. Другие отмечают наличие славянского компонента. Наконец, третьи, недостаточно аргументируя свои выводы, отрицают наличие в ней славянского компонента. Автор книги справедливо отмечает, что все большее распространение получает точка зрения, согласно которой в пределах черняховской культуры существовали локальные варианты и она состояла из различных этнокультурных компонентов. Автор, очевидно, также прав, когда отмечает существующую в литературе недооценку влияния позднеантичной культуры на черняховскую.

Важный комплекс проблем рассматривается в связи с историей сарматов низовьев Днестра и Дуная. Автор устанавливает, что на рубежах нашей эры сарматы при переселении на запад достигли нижнего Дуная и что в I в. н. э. в нижнем Придунавье обитали аланы и роксоланы. Следствием этих миграций было укрепление в нижнем Подунавье сарматских этнонимов в географических названиях, что было зафиксировано древними авторами. Важные вопросы ставятся в связи с исследованием отличительных черт западносарматской культуры. Рассматриваются ее признаки, исследуется процесс оседания сарматов в первых столетиях нашей эры в лесостепной и степной зонах. При этом автору удается достаточно убедительно показать различия в погребениях, составе инвентаря погребений у сарматов и соседних с ними племен. Заслуживает внимания вы-